

Один из биографов Барановского констатировал, что причиной того, почему в настоящее время имя разносторонне одаренного и даже гениального Барановского было известно не широко, скорее всего, явилось то, что он распылял свой творческий гений и свою активность по очень многим сферам. Во всяком случае, с нашей точки зрения важно то, что Степан Иванович Барановский также был другом Финляндии. По его инициативе обязательное изучение русского языка, существовавшее некоторое время, было отменено и восстановлено только во времена Бобрикова. Он также подготовил очень симпатичный очерк о Великом княжестве для второго тома 19-томной «Живописной России» под редакцией П.П. Семенова¹. В 2000-х гг. он был опубликован на финском языке.

Можно утверждать, что Грот с тем же успехом, что и Барановский, мог учить русскому финнов. Несомненно, задача была почти что безнадежная. Тот большой страх, который сидел в голове у финнов и который удивлял Грота, был, пожалуй, прежде всего, инстинктивным страхом представителей малого народа. Тот, кто спит рядом со слоном, вынужден все время быть начеку и реагировать каждый раз, когда слон переворачивается на бок — вне зависимости от того, является ли данный слон существом симпатичным или нет. У немца в национальной памяти такого ощущения, исходящего из сознания собственной малости, не было, и Грот также должен был русифицироваться, сделав что-то необычайное.

«Ложный» патриотизм Й.Л. Рунеберга

Во время войны рассказывали анекдот, содержание которого сводилось к тому, что русские бомбили Порвоо потому, что там проживал большой фашистский подстрекатель Рунеберг.

Как и многие другие анекдоты, он не соответствовал действительности, но все же был неплохо придуман и говорил о многом. Рунеберг действительно стал в конце периода автономии Финляндии «неправильным», т. е. антирусским или, по меньшей мере, не отличающимся русскостью, центральным символом патриотизма.

¹ Фактически для этого тома Барановский написал 5 небольших отдельных очерков: «Исторические судьбы Финляндии и ее отношения к Швеции и России», «Природа Финляндии, ее граниты и озера», «Промышленность Финляндии», «Города Финляндии», «Полярная Финляндия» (автор очерка «Финское племя» неизвестен).

М.М. Бородкин, генерал, историк и один из главных идеологических «едоков» (т. е. недоброжелателей) Финляндии в 1909 г. писал довольно красочно: «„*Рассказы фенрика Стооля*“ стали средоточием финляндского искусства. Война 1808–1809 гг. стала основным источником финской национальности и финского патриотизма. Они пробудили в финском народе осознание собственного своеобразия и значимости. Корни направленных на Россию и русское чувство финнов основываются на поэзии Рунеберга. Весь т. н. „*Финляндский вопрос*“ совсем не может быть понят без „*Рассказов фенрика Стооля*“».

То, что «Фенрик» оказался бельмом на русском глазу, было для того времени необычно, т. к. первая часть этого собрания была отпечатана в незапамятный 1848 г. именно при поддержке русских и используя «Петербургскую дорогу», как на это указывает Матти Клинге. Профессор русского языка и истории Александровского университета Яков Грот, которого Валентин Кипарский назвал русским феннофилом, был при этом незаменимым помощником. Грот восхищался стихотворением «Кульнев», сразу перевел его на русский и переслал в Петербург. В конце концов, книга, которая уже напугала финскую цензуру, получила разрешение в имперской столице. Победное шествие «Фенрика» началось, т. о., с благословения русских. В достойном похвалы исследовании профессора Клинге указывается, что первое из стихотворений «Фенрика» — песня «Наш край» — было с самого начала для чиновничьей России Николая I очень подходящим произведением. На самом деле сосредоточенный в лирике финляндский патриотизм был в политическом отношении совершенно безобидным, и его высокий гимн «Наш край» был при всей своей аполитичности просто своего рода «антимарсельезой». Его премьера на пиршке в дни Флоры на поле Кумтяhti¹ была хитрым способом, с одной стороны, дать разрядку студентам, а с другой, безопасным способом стимулировать их энтузиазм. В политической корректности «Фенрика», т. о., изначально не были заложены какие-то большие надежды. «Фенрика» в духе того времени следует скорее воспринимать как типичное стихотворение, восхваляющее честь и добродетели, у которого был свой эквивалент и, пожалуй, прототип и в России: стихи Жуковского и Лермонтова, по мнению Клинге, являлись таковыми.

¹ Поле Кумтяhti (Kumtähden kenttä; шведск. Gumtäkts äng) — небольшая парковая территория примерно в трех километрах к северо-северо-востоку от центра Хельсинки. В XIX столетии студенты 13 мая собирались здесь на празднование дней Флоры.

Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Годы, которые Грот провел в Гельсингфорсе (1840–1852), были медовым месяцем в финляндско-русских отношениях, которые, однако, к концу этого периода стали приобретать привкус горькой полыни. Дружеские проявления на промоционных торжествах 1840 г. достигла зенита, а мысль о большем внимании к финскому языку в университете и во всей стране наряду с русским языком особенно воодушевила некоторых энтузиастов, которые полагали, что тем самым шведский язык будет оттеснен. На практике, однако, недружелюбие финнов к русскому языку, как оказалось, победить было невозможно, в этом у разных языковых групп различий не наблюдалось. Кроме того, в академических кругах использовали шведский язык. Когда измученный студенческим равнодушием Грот сменил в своей преподавательской деятельности пряник на кнут¹, студенты отреагировали схожим образом. Град камней и взрывы пороховых зарядов подчеркивали протест молодых против насилия, и Грот упаковал свои чемоданы. Его коллега Степан Барановский, разносторонний гениальный изобретатель и общественный активист освоил, со своей стороны, в преподавании более гибкую линию и поддерживал добровольность в изучении русского языка. И случилось так, что в Финляндии затем до времен Бобрíkова русский язык не преподавали ни в университете, ни в других местах, его изучали только как побочный предмет, т. к. доводилось бывать в Петербурге. В языковой борьбе поддержка России, правда, была пригодна для финской стороны, но она ни в каком виде не способствовала даже развитию государственного, российского патриотизма — по крайней мере, такого, на который надеялись в метрополии. Та «китайская стена», которая отделяла Финляндию от России, не была исключительно языковой границей. Речь шла о той очевидной культурной границе в том смысле, в каком позднее она была охарактеризована Самуэлем Хантингтоном. Помимо языка людей разделяли вера и политика, а также исторический опыт. Последний был кодифицирован более или менее в качестве мифа как основы финской идентичности деятельностью Рунеберга и Топелиуса. Преодолевать культурную границу между Финляндией и Россией удавалось главным образом только незначительной группе дворянской молодежи, которая уезжала в Россию ради военной карьеры. Их «лишенный корней» космополитизм осуждался многими бравыми патриотами. Возможное исчезновение

¹ Буквально: «морковку на палку».

Финляндии в «море народов» России представлялось для обеих языковых групп большой потенциальной угрозой, которую несло само по себе слишком хорошее владение русским языком.

Очевидно, что владение финнами русским языком во времена автономии в действительности было еще более плохим, чем сейчас. Тогда его изучения страшились панически, и после того как во времена Бобрикова его сделали обязательным, стало делом чести не учить его.

Вопреки ожиданиям Грота, финляндцы из обеих языковых групп оказались плохими русскими. Поборники финского языка охотно принимали предлагаемую политическую поддержку, но сторонниками русского языка не становились. Столетняя история стипендиатов по русскому языку, изучением которой занимался Кари Кетولا, свидетельствует об этом. Вместо ожидавшегося сближения заявила о себе откровенная русофобия. Яков Грот, который сам был немцем по происхождению, дивился свойственному финнам обычаю отстраняться от людей только на том единственном основании, что они принадлежат к другой нации и говорят на другом языке. Подобное для русских типичным не было, полагал он, пожалуй, и для немцев тоже, но те и другие были большими народами.

С русской точки зрения, в позиции финнов проявлялась соединенная с неблагодарностью спесивость. Русские патриоты похвалялись в те времена своей терпимостью в национальных делах. Особенно известной стала мысль Достоевского о том, что русские на самом деле не нация, а человечество, а русский человек — «всечеловек». Финское, с русской точки зрения (или, скорее, «шведское», т. к. дело касалось, прежде всего, говорившего по-шведски высшего сословия), чванство по отношению к русским уже в 1860-е гг. стало вызывать гнев. Поскольку желали следовать ходу мысли Достоевского, то, с российской точки зрения, это чванство было отмечено печатью бесчеловечности, варварства. Грот был раздосадован, заметив, что студенты в Финляндии считают русских грубыми и безнравственными.

Помимо подобных Достоевскому идеалистичных интернационалистов-националистов в России нашлись, однако, также и люди, которые ощущали необходимость поставить финнов на место, которое, как считали, было ниже места русских. На самом деле и Достоевский в действительности не мог переносить, например, поляков, которых он во многих своих сочинениях живописует довольно зло. Даже французский мелкий буржуа вызывал у великого мистика

злость. Двойственное отношение Достоевского к национальным проблемам было в то время, пожалуй, довольно типичным и для других патриотов. В свете праздничного пафоса удивительным образом от упоения всеобщим братством, как в речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в 1880 г., проявлялась нежность. В действительности те, кто хотел избавиться от этих объятий, могли ждать довольно грубого обращения. *Willst du nicht mein Bruder sein, schlag ich dir den Schädel ein*¹, поэтически описывал Гёте такую психологию.

Символом великоросса и финнофоба первоначально стал Михаил Катков — интеллеktуал, который в своей молодости блуждал на левом фланге, но ударился затем в патриотизм, хотя и не оказался в лагере славянофилов. Катков стал известным литератором, который нередко и запальчиво проходилась также и по финнам. Во времена Александра II пресса в России быстро стала общественным фактором, и Катков был одним из тех, кто преуспел в этой сфере. О прискорбных чертах финнов вся Россия могла узнать в 1880-х гг., когда Катков критиковал их в «Московских ведомостях». По его мнению, финны только мешкают с проведением таможенной границы, желая, чтобы это было сделано за счет России. В довершение всего, они бессовестно отказываются говорить с русскими по-русски даже в тех редких случаях, когда они им владеют.

Количество подобных жалоб с годами увеличивалось со все возрастающей скоростью, что вполне понятно, поскольку железная дорога Рийхимяки — Петербург с 1870 г. ускорила сообщение между столицей и Финляндией. Как известно, расширение межнациональных контактов способствует и усилению межнациональных трений. Терпимость возрастает только в счастливых идеальных случаях, а для таковых в финляндско-русских отношениях почвы почти не было. Так в российской прессе возник «финляндский вопрос», о котором с годами были написаны тысячи статей. Основной сюжет повествования оставался тем же вплоть до получения независимости Финляндии. Согласно ему, финны пользовались незаслуженными преимуществами в России, т. е. жили за счет русских. Они ничего не вносили в российскую казну, но пользовались защитой ее армии, содержа лишь крошечные воинские части. Иные, связанные с внешними отношениями и общим управлением государства обязанности лежали

¹ «И если ты не желаешь быть моим братом, то я раскрою тебе череп!»

полностью на плечах империи. Либеральные институты Финляндии Катков и его собратья по духу ненавидели особенно яро, но в России находились и защитники Финляндии. Ими были, естественно, либералы-западники и их журналы, «Вестник Европы», «Голос», «Новости», но имелись и многие другие. Удивительно, но к защитникам Финляндии принадлежал также один из воспитателей наследника престола князь Владимир Мещерский, за которым в целом закрепился образ крайнего реакционера и который издавал газету под несколько парадоксальным названием «Гражданин». По мнению Мещерского, действительной опасностью для России были евреи. «Московские ведомости» реагировали с удивлением: неужели часть российских евреев намеревается отделиться. В отношении финнов дело было ясным. После некоего скандала князь стал известен также как гомосексуалист и получил прозвище «князь Содомы и гражданин Гоморры». Защита Александра III спасла князя от худших последствий, но врагов Финляндии, пожалуй, радовало то, что группа друзей Финляндии в России включала в себя довольно сомнительных личностей, с национальной и «моральной» точки зрения. В нее входило также много евреев, в том числе издатель газеты «Новости» О.К. Нотович.

В 1885 г., когда между Россией и Великобританией могла развиться война из-за столкновения интересов в Афганистане, некоторые в Финляндии, близкие к кругам либеральной *Helsingfors Dagblad*, поговаривали, что Великому княжеству следует объявить себя нейтральным в этой войне. В противном случае торговому судоходству грозит крах. Главный редактор петербургской официозной газеты «Новое время» А.А. Суворин опубликовал в связи с этим статью «Седьмая великая держава»¹, в которой поднял на смех высказываемую финнами мысль. Он также предостерегал финнов от излишней гордыни: у них есть причина благодарить Россию за каждым ужином и помнить, что они живут в стране, которая в Европе была беднейшей, и принадлежат народу, интеллигенция которого уже в силу своего происхождения была «подлой».

Весть была ясной, подобное выражение недояльности вызвало поток публикаций о Финляндии, что было не выгодно для нее, хотя лоялисты в нашей стране пытались поднять голос

¹ Кстати, в те времена, возможно, с подачи Салтыкова-Щедрина, под «седьмой державой» иногда понимали Главное управление по делам печати и всю систему цензурных ограничений.

и подчеркивали, что сторонники *Dagblad* пользуются в ней незначительным влиянием. На Финляндию в российских патриотических кругах раз и навсегда наложили несмыслимое клеймо сепаратизма. Для критики имелись основания, Финляндия действительно пользовалась разными привилегиями, которые прочие территории России не могли себе представить. Собственные деньги, свое гражданство, своя таможенная граница и тарифы, своя экономика, свои законы и законодательство, а сверх того еще и собственное войско, которое несколько напыщенно именovali армией, — все это было слишком для многих тех безупречных граждан, по мнению которых, Россия должна была принадлежать русским. Знаменитым стало предостережение Каткова, что политические институты Финляндии были великодушным даром монарха, и тот может взять его обратно, если получившие его окажутся неблагодарными.

Катков умер в 1887 г., но после этого финляндско-русская полемика в действительности только началась. Ее межевым столбом стала публикация в 1889 г. книги Лео Мехелина об основных законах Финляндии. Она побудила Кесаря Филипповича Ордина написать свою известную работу «Покорение Финляндии», после чего дискуссия о статусе Финляндии в империи и ее возможных основных законах утонула в потоке новых статей. «Едоки» Финляндии находили все новые основания для критики и упреков в адрес Финляндии, а друзья Финляндии вынуждены были постоянно обороняться. Самые незначительные факты могли становиться темой новостей и предметом фельетонов, поскольку имели место в Финляндии. «Едоки» Финляндии не упускали ни одной возможности показать, что Финляндия отнюдь не только не была образцовой, но даже лояльной империи страной, и что русские просто страдают от нарушения их гражданских прав. Нахальство финнов заходило настолько далеко, что они позволяли себе говорить, что русские дурно пахнут.

«Финляндские привилегии» в сфере экономики и управления сильно раздражали русских уже сами по себе, но упоминавшиеся выше обособление, отказ от изучения языка и упорная защита своих законов и постановлений только ухудшали ситуацию. На частном уровне финны часто проявляли в отношении русских надменность, что задевало чувства последних. Особенно такое было обидно со стороны говоривших по-шведски, горячо подчеркивавших принадлежность Финляндии к западной культуре, которая исходно оценивалась очень высоко. Это было то наследие,

за которое, согласно господствующему суждению, говоривший по-фински народ должен был быть вечно благодарен шведской культуре. Российская националистическая пресса повторяла, по обычаю саркастически, ссылки финнов на свою более высокую образованность и предполагаемое в силу этого варварство русских. На самом деле незнание финнами русского языка и культуры было поразительным. Названия улиц могли быть написаны по-русски бестолково, учитель русского языка финн произносил фамилию «Пушкин» как *Pjuťškin* и т. д.

Этот культурный сепаратизм, мысль об особой финской родине были, по мнению многих российских патриотов, началом и корнем всего «финляндского вопроса». В создании и обосновании этого патриотизма велики были заслуги Рунеберга, что и подчеркивал генерал Бородин в ранее приведенной цитате.

В 1885 г. Катков развил тему в гневной передовице, посвященной годовщине Финляндской войны. Катков писал, что он вначале не мог поверить настолько скандальной новости: в Финляндии торжественно открыли памятник, посвященный поражению российских войск в бою у Кольонвирта¹. При открытии присутствовал губернатор Ярнефельт, который носил мундир генерал-майора российской армии. О самом «поражении» в российской военной истории почти ничего не известно, это было творение финских патриотов. Катков кисло констатировал также, что по этому случаю был исполнен национальный гимн Финляндии («Наш край»), а также саволакская песня. Оркестр Куопиоского батальона сыграл порилайстенский марш (марш бьернеборцев), мощная и красивая музыка которого создала у всех праздничное настроение, как благосклонно писала русская (*mirabile dictu!*²) газета «Новости».

Разумеется, Рунеберг незримо присутствовал при всем этом, хотя его имя Катков и не называл. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Сказалось то, что выяснилось — знаменитый Рунеберг и есть тот поэт, который сочинил текст песни «Наша страна», занявшей в Финляндии место императорского гимна, и что именно он чрезмерно возвысил финские подвиги в войне 1808–1809 гг. Так, петербургская газета «Новое время» смогла в 1893 г. сослаться на то, что российским читателям знакомо имя поэта, но они не знают, с каким размахом вся Финляндия праздновала день его рождения. Согласно столичной правительственной газете, на торжествах

¹ Сражение происходило 27 октября 1808 г.

² Удивительно!

исполнялись песни Рунеберга, в которых оплакивалась тяжелая судьба подчиненной России Финляндии. В театре выступили с призывом к единодушию на случай будущих испытаний (войны?), поэзию Рунеберга в наглядных картинах прославляли при рассказе о Свеаборгском стыде на примере добродетели отказавшегося от брата Ваденшерны и отважного ландсгевдинга Вибелиуса, а девушка-Финляндия прославляла в живой картине мужество своего павшего жениха, вместо того, чтобы горевать о нем. По мнению автора статьи, русские были показаны в живой картине варварами, и он покинул театр оскорбленным.

Пожалуй, не следует говорить, что подъем финского патриотизма был связан с той угрозой, которую в Финляндии видели со стороны усиливающегося великорусского шовинизма. Император Александр III, который был уважаем в Финляндии, предпринял в отношении Финляндии известные меры, направленные на централизацию империи. Почтовый манифест 1890 г. был воспринят в свое время с ужасом.

«Московские ведомости» писали в то же время о Рунеберге и находили в «Фенрике» много такого сомнительного, на что ранее внимания не обращалось. «Пресловутая „Наш край“ заканчивается „пророческим“ обращением к Финляндии: „Твой цветок, который еще в бутоне, однажды освободится из неволи“».

В общем, поэт возвеличивал схватки и стычки пехоты до великих сражений и «прославленных побед», в которых шведско-финская армия разбивала русских. Возникла впечатляющая картина: финны проявляли необычайный героизм и отвагу и постоянно разбивали русских, несмотря на свою малочисленность. Но трусость и бездарность шведского командования вынуждали их отступать и уступать «свое отечество» русским. Писатель не довольствовался этим обобщением, он педантично анализировал многие стихи — «Ветеран», «Фенрик Сиден», «Сандельс», «Новобранец», «Брат облака», «Два драгуна», «Вильгельм фон Шверин». Жертвенность финнов и дикость русских и их бездарность бросаются в глаза. По каким-то причинам только в отношении одного русского, полковника Кульнева, сделано исключение, замечает писатель. Он присутствовал на торжествах в честь Рунеберга и видел живые картины «Братья», «Наместник» и «Брат облака». Писатель не описывает более точно собственные впечатления, но они ощутимы, и он не забывает рассказать о том, что, согласно хельсинкским газетам, на вечернем представлении в Шведском театре весь вечер царили «горячие

патриотические настроения, которые проявлялись в бурных и долго не смолкаемых аплодисментах».

Читатели «Московских ведомостей» уже смогли познакомиться с написанным «одним профессором Гельсингфорсского университета» «Военным маршем» («Война разжигает жестокость, вспыхивает пламя ненависти...»), который заканчивается словами «насилие прочь!», но который по обыкновению завершают словами «рюсся, прочь отсюда!». Теперь анализировавший Рунеберга «Обыватель Финляндии» подробно рассказывал о «Порилайненском марше». Его исполняли в Финляндии при любой возможности, и художник Альберт Эдельфельт нарисовал на эту тему картину. Картинами Эдельфельта к «Рассказам фенрика Стооля» финские патриоты хотели заменить распространяемые русскими коробейниками литографии. Тираж в три тысячи экземпляров уже был распродан. Автор раздумывал над тем, что может последовать за «Порилайненским маршем» Эдельфельта: пожалуй, те знаменитые «Два драгуна», которые отдубасили пять русских казаков! Впрочем, в годовщину Рунеберга, как в Финском, так и в Шведском театре исполняли также «Военный марш» и «Пробудись, Финляндия», которые не выходили из-под пера Рунеберга...

Вышеприведенное описание торжеств в честь Рунеберга воодушевило главного автора «Московских ведомостей» сказать следующее: хотя от этих жалких политиканов, фанатично ненавидящих Россию, можно ожидать всего или, по крайней мере, многого, но есть необходимость задать вопрос, где такое могло происходить: в России или где-то в ненавидящем ее зарубежье? Возможно ли, действительно, чтобы таким образом можно было безнаказанно проповедовать ненависть и презрение к России, изображать поражающих русских оружием инородцев «героями» и «победителями», а русских — побитыми и обращенными в бегство кровавыми и лютыми варварами, «зверьями» и «стаями волков» и распространять среди населения картинки о якобы одержанных их праотцами победах над русскими?

Писатель вспоминал шумиху восьмилетней давности с открытием памятника у Кольенвирта и констатировал, что после этого многое изменилось. Русские начали более пристально наблюдать за тем, что в Финляндии действительно говорят, и заметили, что клика сепаратистов уже давно развивает идею о самостоятельной Финляндии как об отдельном от России государстве. Также в 1885 г. воспоминания о войне 1808–1809 гг. были использованы

для поднятия «патриотизма». Ныне ситуация иная, т. к. русские начали замечать искажения в отношении положения Великого княжества. Ранее речь шла о сепаратизме, теперь — об оппозиции и распространении ненависти к России для укрепления оппозиции. Агитация была чисто политической, это даже не пытаются скрывать, считал автор статьи и обильно цитировал публикации из *Hufvudstadsbladet*, посвященные дню Рунеберга. Автор статьи в этой газете писал о необходимости ежегодного проведения патриотического праздника в эти мрачные времена, о памяти о прославленном поэте в народе, о «лучших воспоминаниях», о «вечном», о «надежде», «будущем» и «идеалах». Все эти слова снабжались многозначительными восклицательными знаками, а о «будущем» и «надежде» — вопросительными.

По мнению автора «Московских новостей», в намеках на будущее скрывалось дерзкое требование о самостоятельном, независимом от России Финляндском государстве, которое максимально находилось бы с первой в «союзе». Так как Российское государство начало теперь явно ограничивать и приостанавливать такое развитие, местные «патриоты» стали распространять ненависть к нему и преувеличенным финским «героизмом» возбуждать в народе оппозиционный дух. В момент «опасности» народ восстанет вместе с «патриотами» против русских.

На самом деле финский народ до этого оставался спокойным и относился к антирусской агитации равнодушно, считал автор. В его среде было заметно стремление сблизиться с Россией, а в его верноподданнических настроениях сомнений не было.

Но со временем агитация могла бы глубоко проникнуть в народ. К этой опасности нельзя было относиться равнодушно. Только цензурных и полицейских мер казалось недостаточно. Действенные законодательные и административные средства необходимы, чтобы уничтожить в корне сепаратистскую теорию о «конституционном Финляндском государстве».

Автор (возможно, главный редактор газеты Сергей Петровский) видел, таким образом, в торжествах, связанных с Рунебергом и «Фенриками», чисто политический смысл, и он едва ли ошибался. Рунеберг и Топелиус были теми основными идейными вдохновителями, на труды которых опиралась идея создания Финляндии как родины финской нации. «Фенриков» и книгу «О нашей стране» читали все школьники в Великом княжестве, «Рассказы фельдшера» и «Рассказы для зимнего вечера» могли пополнить идейную пищу патриотической молодежи. Политическая мобилизация

Рунеберга и «Фенриков» трудной задачей не являлась, т. к. речь шла об известном и любимом всеми поэте, чей моральный авторитет был огромным.

Публикации российских газет по случаю дня Рунеберга заставили генерал-губернатора Гейдена приказать, чтобы впредь программы подобного рода торжеств представлялись заранее. «Московские ведомости» заявили об удовлетворенности делом, но повторили, что цензуры и полицейских средств недостаточно. Недостаточно, чтобы в день Рунеберга не осуществлялись публичные исполнения «Порилайненского марша» или «Военного марша» или постановки о якобы победах шведофиннов. Антирусской «патриотической» агитация нашла бы иные пути. Следовало вырвать зло с корнем, повторял писатель, и уничтожить основу для речей о «конституционном Финляндском государстве». Под этим явно подразумевалось, что прежняя неопределенная практика должна быть заменена распространением на Финляндию общероссийского управления.

К великой досаде националистов, русские газеты могли также заметить, что песня «Наш край» исполняется постоянно, и люди всегда при этом обнажают головы. Особое значение песни «Наш край» злило приезжавших в Финляндию русских настолько, что возникало сомнение в «величии» Рунеберга. Не слишком ли много великих для маленькой страны! Даже написавший для нее музыку Пациус был «великим». «Интеллигентный» финн, которого некие русские ошибочно приняли за действительно интеллигентного человека, считал, что императорский гимн пригоден только для «русских варваров». Его финн не исполнял, но песня «Наш край» звучала по всякому поводу и без повода. Тогда присутствовавшие русские также обнажали голову, а воинские части останавливались и брали под козырек. Интересно, замечал писатель, что «Марсельеза» пользовалась в Финляндии большим почетом, но как только ее начали исполнять в России в знак российско-французской дружбы, она лишилась уважения финнов.

«Русский иммигрант», которого судьба забрасывала в Финляндию, не верил ушам, когда слышал, что профессор Петербургской консерватории руководил хором, который в Гельсингфорсе исполнял песню «Наш край». Эта песня и польская *Jeszcze Polska nie zginela* входят в один репертуар, считал раздосадованный патриот. По его мнению, граждане Финляндии сами удивляются, почему русские позволяют им важничать, и объясняют дело страхом, который «память о Нарве» вызывает у русских. Как долго это будет

продолжаться? Не появится ли, наконец, тот могучий Руслан, который твердой рукой сметет этот «бастион измены»?

Суть спора заключалась не в чисто финской спеси, финской государственной теории сепаратизма или потребности России в военной безопасности северо-западной границы империи. Финляндско-русский конфликт угрожал, с точки зрения Великого княжества и его граждан, обособленности Финляндии от России. По мнению русских, под угрозой была целостность государства. Рисуемые главным автором «Московских ведомостей» картины готовности финского «народа» сблизиться с Россией едва ли соответствовали действительности. Особый финский патриотизм предполагал не выход из метрополии, но поддержание дистанции. В уничтожении этой дистанции запрет Рунеберга особого веса не имел бы. Между народами Финляндии и России существовала вековая культурная граница, слом которой можно было осуществить только насилием, массовой иммиграцией — а это растянулось бы на несколько поколений и вызвало бы огромные негативные последствия. Это предполагало также устранение юридических препятствий. Такая денационализация удалась в Сконе, но это было редким исключением. Поскольку сохранялась вероисповедная граница, национальное самосознание нельзя было уничтожить. Это не удалось и в Польше, где говорили на родственном языке метрополии языке. Это не удалось даже в Ирландии и Югославии, где язык общий.

Между языковыми группами в Финляндии нет религиозной границы, и общая государственная и историческая идентичность в принципе создавала хорошие предпосылки для финско-шведской ассимиляции. Общую идентичность дополняли и дополняют культурные факторы, в числе которых поэзия Рунеберга является важным примером. Русские способствовали тому, что образы «шведско-финского» патриота Рунеберга подошли для интересов обеих языковых групп, не став монополией говорившей по-шведски части населения, хотя для этого и имелись известные предпосылки.

Нападая на «Фенриков» Рунеберга, русские проглотили слишком большой кусок. Отпор империи вызвал мощный рунеберговский ренессанс. В 1899 г., когда началось слияние Финляндии с Россией, народ начал особенно энергично чествовать своего великого мужа и с особым почитанием относиться к его стихам о войне 1808–1809 гг. Бобриков и М.М. Бородин, который был его советником по финляндским вопросам, воспринимали Рунеберга

как большую символическую фигуру. В представленном императору докладе об управлении Финляндией в 1899–1902 гг. Бобриков обращал особое внимание на учебники по истории и географии, но замечал, что в преподавании литературы в Великом княжестве также использовались сочинения, которые «вредили государственной самоуверенности, даже прямо были нацелены против России и русских». Генерал-губернатор не оспаривал их художественной значимости и общих мыслей, но незрелые души усваивали из них только «ярко и партийно окрашенные факты, которые, тем самым, порождали только мало желательные чувства». Он ссылаясь на «Рассказы фенрика Стооля».

Рунеберг был «кумиром окраины», и дух фенриков пропитал весь народ — вынужден был сделать вывод Бобриков. Как и двадцатью годами ранее для русских националистов, так теперь для генерал-губернатора песня «Наш край» была камнем преткновения, исполнение которой было, однако, трудно запретить. Затруднение создавало то, что не только прежние генерал-губернаторы, но даже императоры оказывали честь этой песне своим присутствием. Вдовствующая императрица Мария Федоровна (бывшая датская принцесса Дагмар) охотно слушала исполнение студентами «Порилайненского марша». Новый министр статс-секретарь Вячеслав фон Плеве, который также являлся канцлером университета в Гельсингфорсе, не разделял забот генерал-губернатора и просил певцов студенческого объединения исполнять для себя эту скандальную песню.

Политикой запрета финский национализм остановить было невозможно. Напротив, в период угнетения положение Рунеберга как символа антироссийской борьбы упрочилось как никогда. Его стихи и особенно песня «Наш край» и «Порилайненский марш» исполнялись постоянно. Только «Фенриков» в 1899 г. было продано 75 000 экземпляров. В то время это было гигантское количество.

Во второй период угнетения актуальность творчества Рунеберга снова возросла. В 1911 г. неназванный писатель, которым, вероятно, был М.М. Бородин, опубликовал в «Финляндской газете» четыре статьи с анализом «Рассказов фенрика Стооля».

Автор статей констатировал, что эта книга стала канонической. Она была в каждом доме своего рода требником и катехизисом патриотического воспитания. Автор анализировал песню «Наша страна» и замечал, что любовь к суровой природе трогательна, но скалы и озера еще не отчизна, таковые имеются повсюду в северных краях. Стихи о войне сами по себе воспитывали патриотизм,

но ложный, в них враг всегда — русский. Нормально ли, справедливо ли или желательно, чтобы воспевалась одержанная фон Дёбеллем над русскими победа? История никогда еще не знала ни одного финского великого военачальника. Кто были поэтизированные Рунебергом герои? Ввезенный шведами товар, патриотизм которых следует считать довольно сомнительным, т. к. они после войны остались в Швеции. Что касается обычных рядовых людей, рассказывается сказка о том, что один финн победил десяток врагов. Это явная выдумка, но сказке верят как образованные, так и необразованные...

Напротив, то основное, что чтится в народной памяти о вражде, пришло время забыть. Стихи Рунеберга напоминают только о горе и вражде. Пушкин же, напротив, протягивал руку примирения и в своем «Медном всаднике», обращаясь к Финляндии, писал: «Вражду и плен старинный свой пусть волны финские забудут и тщетной злобою не будут тревожить вечный сон Петра!». Так же великий народ России не таит злобу, но зовет все народы, ищущие безопасного места, под защиту могучих крыльев Орла для совместной культурной работы и государственного строительства. Пришло время забыть сказки и повзрослеть. Пришло время здраво оценить ситуацию и приступить к искреннему сотрудничеству — так заканчивал автор.

С «общегосударственной» точки зрения, которую выражал Бородкин, это было само по себе обоснованным и разумным. Многие наблюдения о мифах финской истории были весьма меткими. Финляндию и Польшу в российских националистических кругах неспроста сопоставляли. Обе были в отношении России по другую сторону культурной границы, и мысль об общем, ориентированном на всю империю патриотизме, представлялась в этих окраинных странах утопией.

Миф об исключительном мужестве финнов и о том, что представители этого избранного народа часто побеждали даже десятикратно превосходящие силы, был, правда, художественным вымыслом, «сказкой», которую сочинили Рунеберг и Топелиус, заклеянные в глазах русских патриотов как разрушители и саботажники общегосударственного мышления. Такие мифы, однако, способны превращаться в прогнозы. Кажется, правда, во многом благодаря им народу Финляндии в значительной степени не хватило в один важный исторический момент способности к самокритике и реалистичной оценке ситуации и тем самым получить самоуверенность, которая поможет творить чудеса.

У так называемого чуда Зимней войны исторические корни. Слова шведского наблюдателя, что в 1940 г. «на Карельском перешейке победил фенрик Стооль», едва ли можно считать полным искажением действительности, хотя финны, в действительности, там победы не одержали.

В качестве туриста в Петербурге

Петербург, *Pietarpori* был, как известно, судьбоносным для финнов городом, который, как верил уже Хенрик Габриель Портан, влечет Финляндию за собой, что позже и произошло. Спесивый русский протолкнулся к морю, к Финскому заливу и написал на своей памятной медали жителям края: *Finnia, ecce tridentem*¹. Эта ситуация близка к той, которая позволила в свое время австрийцам потребовать, чтобы швейцарцы ломали шляпы перед господствующим народом.

В действительности море оказалось своенравным. Несмотря на свою тесноту и отчасти благодаря ей Финский залив и Балтийское море могли и бросить вызов. Шведский флот, особенно в союзе с английским или немецким, доставлял российским стратегам головную боль в XVIII и XIX столетиях. В войне Густава III только счастливая удача и неумелость противника спасли Петербург от большой опасности. Англия и Франция бесчинствовали на Балтике во время Крымской войны как душе вздумается. Одна Германия была опасным противником в период Первой мировой войны, хотя Россия владела Аландскими островами и держала основные силы флота в Гельсингфорсе, готовая отразить возможное нападение на Петроград. Во время Второй мировой войны Германии и Финляндии (!) в довершение всего посчастливилось запереть весь Краснознаменный Балтийский флот в огромном стальном мешке в самом конце Финского залива, приблизительно в том самом месте, для которого справедливо использовалось название «Маркизова лужа». Это была территория для маневров флота, которая получила свое

¹ Речь идет о легенде на медали, выполненной Ф.Г. Мюллером в память открытия мореплавания на Балтике в 1703 г. На ней слова по кругу и в обресе представляют собой единое целое: «FINNIA ECCE TRIDENTEM... NAVIGATIONE IN MARE BALTICO STABILITA» («Финляндия, вот трезубец!.. Плавание по Балтийскому морю установлено»).